

...Совы тревожатся.
Здесь умерли люди.
Добрые люди погублены злом.
И лучше забыть бы...

Р. С. Томас

Я сложу для милой башню
Там, где чистый бьет ручей,
И цветы я с горных склонов
Посажу среди камней.

Народная песня

Родители-собственники редко
доживают до сбора плодов
своего эгоизма.

Радио «Таймс» (15.09.65)

ГЛАВА 1

— Ну как ты? Живот еще болит?

Гвин заглянул в приоткрытую дверь. Элисон сидела на железной кровати с медными шарами на спинках. На фарфоровых столбиках красовалось изображение младенца Бахуса, а под одну ножку был подложен кусок шифера, потому что в этом месте в половице была вмятина.

— Скукотища, — отозвалась Элисон. — А я просто-напросто на солнце перегрелась.

— Круто, — сказал Гвин. — Книжек я тут никаких не нашел, вот и принес тебе ту, что в школе дали. Это как бы надо обязательно прочесть по литературе, но пока можешь ее взять. Выглядит убийственно.

— Ну спасибо, — буркнула Элисон.

— Роджер купаться пошел. Могу составить тебе компанию.

— Ты уж не напрягайся чересчур ради меня, — отозвалась Элисон.

— Да ладно, — сказал Гвин. — Ну пока.

И он ловко съехал по перилам до первого этажа.

— Гвин!

— А? Что? Что с тобой?!

- Скорей!
- Тазик принести? Тебя тошнит, да?
- Гвин!

Он бегом вернулся.

Элисон стояла на коленях в кровати.

- Послушай, — сказала она. — Слышишь?

В доме было тихо. Мостин Льюис-Джонс скликал овец на холмах, а прямо над кроватью на потолке что-то скреблось.

- Мыши, — сказал Гвин.
- Громковато, — сказала Элисон.
- Тогда — крысы.
- Нет. Слушай. Это что-то страшное.
- Просто им надо когти подстричь.
- Да не крысы это, — сказала Элисон.
- Крысы. Скребут когтями по дереву, вот и получается так громко.

— Я этот звук в самую первую ночь услышала, — сказала Элисон, — и с тех пор это каждую ночь повторяется — стоит мне только лечь в постель.

— Это крысы, — повторил Гвин. — Просто жутко наглые.

— Да нет, — помотала головой Элисон. — Кто-то хочет выбраться наружу. Каждую ночь скребут все громче. Сегодня громче всего скреблись — но не все время. Порой затихают.

- Небось, устали, — предположил Гвин.

— Сегодня... они скреблись громче, когда у меня сильнее живот болел. Тебе не кажется, что это странным?

— Это ты сама странная, — сказал Гвин, забрался на спинку кровати и постучал кулаком по потолку. — Эй, вы, там! Пошли вон!

Гвин сорвался со спинки и больно грохнулся на пол. Кровать задрезжала.

Разинув рот, Гвин уставился на Элисон. На его стук ответили.

— Гвин! Давай еще разок!

Гвин снова забрался на кровать.

Тук, тук.

Шкряб, шкряб.

Тук.

Шкряб.

Тук-тук-тук.

Шкряб-шкряб-шкряб.

Тук — тук-тук.

Шкряб — шкряб-шкряб.

Гвин присвистнул.

— Эти крысы были бы отличницами в Абериствите¹, в нашей школе для особо одаренных. — Он спрыгнул с кровати. — А где же я видел?.. А, точно: вон там, за этой дверью.

Гвин открыл дверь рядом с дымоходом. За ней находилось узкое пространство, не шире шкафа, а в потолке виднелся люк.

— Нам нужна лестница, — сказал он.

— А если встать на умывальник, не достанешь? — спросила Элисон.

---

¹ Город в Великобритании, культурная столица Уэльса.

— Рискованно. Нужна лестница с парой ступенек и молоток. Засов заржавел. Пойду принесу все это из конюшни.

— Ты только недолго, — попросила Элисон. — Меня прямо трясет от страха.

— «Ученые крысы Гвина» — как тебе? Нас по телику покажут, мы сможем кучу денег заработать.

Он вернулся с двухступенчатой стремянкой, молотком и клеткой-ловушкой.

— Моя мама в кухне, так что приманку я не смог раздобыть.

— У меня шоколадка есть, — сказала Элисон. — С фруктами и орехами — подойдет?

— Годится, — кивнул Гвин. — Ну.. Поехали!

Места для замаха и хорошего удара не хватило, и на лицо ему посыпались ржавчина и старая краска.

— Люк покрашен вместе с засовом, — сообщил Гвин. — Тут сто лет никто не бывал. А-га... Вот так...

Засов освободился от ржавчины и краски. Гвин спустился, чтобы взять у Элисон фонарик. Он вытер лицо рукавом и подмигнул ей.

— Ну, теперь они у нас притихнут.

Стоило ему только произнести эти слова, как прямо у него над головой снова послышалось шкрябанье, причем громче, чем раньше.

— Ты не обязан открывать этот люк, — сказала Элисон.

— И попрощаться со славой и целым состоянием?

— Не смейся. Ты не обязан делать это ради меня. Гвин, будь осторожен. Там что-то опасное. Сильное и опасное.

— Да кто смеется, барышня?

Гвин принес с лестничной площадки швабру без тряпки и прижался ухом к крышке люка. Шкрябанье прекратилось. Гвин изо всех сил нажал перекладной швабры на люк, и тот с грохотом открылся. Облаком повисла пыль.

— Да тут светло, — сообщил Гвин. — В крышу вставлено окошко.

— Поосторожнее там! — предупредила его Элисон.

— «Есть тут кто-то — путник спросил»², — процитировал Гвин. — Яраваравараваравара! — Он просунул швабру в отверстие люка. — Ничего и никого, видишь?

Он поднялся повыше, и его голова оказалась на уровне перекрытий. Элисон встала около стремянки.

— Тут горы разного барахла и соломы. Хочешь подняться?

— Нет, — сказала Элисон. — От всей этой пыли меня в жар бросит. У меня же аллергия.

— Чем-то пахнет, — добавил Гвин. — Что за запах? Точно не разберу, но, по-моему, таволгой³ пахнет. Странно. От реки, что ли, ветром этот запах принесло? А крыша как раскаленная прямо.

— А ты не видишь, что могло издавать те звуки? — спросила Элисон.

Гвин ухватился руками за края отверстия люка, подтянулся и вылез на чердак.

---

² Цитата из стихотворения Уолтера де ла Мера «Слушавшие».

³ Таволга (лабазник) — многолетнее растение, цветы которого пахнут густым и сладким медовым ароматом.

— Тут разве только бак с водой можно было бы поставить, — крикнул он. — Даже пола толком нет. Но... погоди-ка минутку.

— Ты куда? Осторожней!

Элисон услышала, как Гвин ходит по чердаку.

В самом темном уголке чердака поперек балок лежала доска, а на ней — целый обеденный сервиз: приземистые стопки тарелок, гора блюд... И все это было покрыто грязью, соломой, птичьим пометом и почерневшими остатками гнезд.

— Что там такое? — спросила Элисон, поднявшись по стремянке и высунув голову в отверстие люка. Она зажимала нос платочком.

— Тарелки. Чертова куча тарелок.

— Они разбитые?

— Да вроде целые, только грязные жутко. А вообще они довольно красивые. Кое-где проглядывает рисунок — зеленый с золотом.

— Возьми одну, мы ее отмоем.

Элисон увидела, как Гвин взял одну тарелку из ближайшей стопки. И тут он покачнулся, его нога соскользнула с балки и чуть было не проткнула потолок насквозь.

— Гвин! Ты как?

— Ой.

— Пожалуйста, спускайся.

— Сейчас. Секундочку! Тут, наверху, такая жаррица, что у меня глаза из орбит вылезают.

Он подошел к люку и передал Элисон тарелку.

— Кажется, тебя мама твоя зовет, — сообщила ему Элисон.

Гвин быстро спустился по стремянке и вышел из комнаты.

— Что надо, мам? — крикнул он, свесившись через перила.

— Принеси мне два пучка латука с огорода! — гулко донесся снизу голос его матери. — И поскорей!

— Я занят!

— Не занят! И без разговоров!

Гвин скорчил недовольную гримасу.

— Ты сама тарелку отмой, — распорядился он, глянув на Элисон. — А я быстро вернусь.

Но прежде чем спуститься, Гвин засунул на чердак клетку-ловушку и закрыл крышку люка.

— Зачем ты крысоловку туда поставил? — спросила Элисон. — Ты же там никого не увидел, верно?

— Не увидел, — отозвался Гвин. — Но помет там есть. Так что мне очень хочется узнать, что это за крысы, которые считать умеют.

ГЛАВА 2

Роджер прошлепал к берегу по мелководью. На краю луга из земли торчал довольно высокий камень. Роджер улегся на спину около него. Его окутала пена соцветий таволги, густо росшей вокруг камня. Роджер притянул к себе стебли и закрыл лицо от солнца белыми кистями цветов.

Глядя сквозь цветы, он увидел на небе движущийся белый след реактивного самолета, а слышен был только плеск реки и голос крестьянина, сзывавшего своих овец где-то в долине.

Очертания холмов в жару выглядели более мягко. Горный хребет за домом, увенчанный еловой рощей, на фоне летнего неба казался черным. Роджер вдохнул прохладный, сладкий аромат цветов. Он чувствовал, как глубоко проникает солнце в его тело.

Что-то пролетело над ним, по закрывавшим его лицо цветам и листьям скользнула тень. Нечто тяжелое и быстрое с силой ударилось о камень. Роджер ощутил, как по земле прошла дрожь, и услышал крик.

Он вскочил, пригнулся и накрыл голову руками. Но на прибрежном лугу было пусто, да и крик утих.

Только, словно эхо, послышался голос крестьянина-пастуха, да раздалась булькающая трель кроншнепа на вершине холма. Никого не было видно. Сердце Роджера бешено колотилось, ему вдруг стало холодно — в такое-то пекло. Он посмотрел на свои ладони. Стебли таволги поранили его, на коже выступили кровавые капельки. От цветов воняло, как от козла.

Роджер прислонился к камню. Горы нависали над ним, они словно были готовы заполнить собой всю долину.

— Бр-р-р! — Роджер растер руки и ноги кулаками. Кожа у него покрылась пупырышками. Он пробежался взглядом по реке, посмотрел на воду, маслянисто поблескивающую под деревьями и плещущую у камней. — Черт бы меня побрал, что же это было? Обман слуха? Померещилось? А эти горы... от них просто чокнуться можно. — Роджер прижался спиной к камню. — Ни с места. Я за тобой слежу. Вот так-то лучше... Эй?!

В плоской каменной плите он обнаружил отверстие. Роджер сначала нащупал дыру, а уж потом рассмотрел. Она была круглая, с очень ровными краями. Дыра проходила сквозь камень и заканчивалась точно таким же отверстием с другой стороны. Что же, ее нарочно кто-то просверлил или это дело природы? Если этот просвет не имел природного происхождения, то зачем кому-то понадобилось тратить на это силы и время? А работа была проделана поистине ювелирная.

— Ну надо же! — воскликнул Роджер и встал так, чтобы заглянуть в отверстие.

Он увидел ели на гребне холма за домом. Отверстие и с другой стороны было идеально гладким, его края обрамляли еловую рощу ровным четким кругом.

— Бр-р-р. Пора одеться.

Роджер пошел от реки к дому через сад.

Хув Полубекон разравнивал граблями щебень на подъездной дорожке у дома и разговаривал с Гвином, а тот отряхивал землю с корней пучков латука.

— Отличный денек для купания, — заметил Хув.

— Да, — кивнул Роджер. — Просто идеальный денек.

— Отличный.

— Да.

— Ты плавал? — осведомился Хув.

— Как раз поэтому я в плавках, — ответил Роджер.

— Отличный денек для этого самого, — сказал Хув. — Для плавания.

— Да.

— В воде, — добавил Хув.

— Мне надо переодеться, — сказал Роджер.

— Я с тобой пойду, — сказал Гвин. — Поговорить надо.

— Этот человек не от мира сего, — сказал Роджер, когда они отошли подальше. — И он так далеко ушел, что не скоро вернется.

Они уселись на террасе. Поскольку дом стоял на склоне, на террасе сейчас лежала тень. Внизу сквозь деревья поблескивала река.

— Только быстро, — попросил Роджер. — А то я замерз.

— Сейчас кое-что случилось, — сообщил Гвин. — Кто-то скребся на чердаке над спальней Элисон.

- Мыши, — предположил Роджер.
- Я так и сказал. Но когда я стукнул по потолку, чтобы отпугнуть их, они стукнули... ну то есть поскреблись в ответ.
- Да ну тебя!
- Точно — поскреблись. Я тогда поднялся на чердак, чтобы глянуть, что там и как. А там — гора пыльных тарелок. Наверное, они несколько фунтов стоят.
- Правда? Вот это интересно. Ты их притащил вниз?
- Одну. Элисон ее отмывает. Ну так как насчет того, что кто-то там скребется?
- Да что угодно это может быть. А эти тарелки — какие они? И как они там оказались?
- Я не очень-то хорошо разглядел. Спросил у Хува насчет них.
- Ну и?
- Он сказал: «Смотри на нее осторожнее».
- На кого? На Эли? Она-то тут при чем?
- Да не на Элисон. Не знаю, кого он имел в виду. Когда я ему сказал, что нашел тарелки на чердаке, он перестал разравнивать гравий и сказал: «Смотри на нее осторожнее». И тут ты пришел.
- Говорю тебе: у этого человека с головой не в порядке. Почему его так зовут — «Полубекон»?
- А это по-валлийски будет Хув Хэннерхоб, — объяснил Гвин. — Хув Полубекон, Хув Свиной Бок. Его и так, и так называют.
- Ему подходит.
- Это же прозвище, — сказал Гвин.
- А по-настоящему его как зовут?